МЕЛОДИЯ ГУРИЛЕВА

ТОЧНО стена какая-то отгородила от нас жизнь Александра Львовича Гурилева, и нет в той стене просвета, сквозь который можно бы было увидеть дни прекрасного русского композитора. Только музыка может рассказать о нем самое главное, ведь она была его единственным утешением...

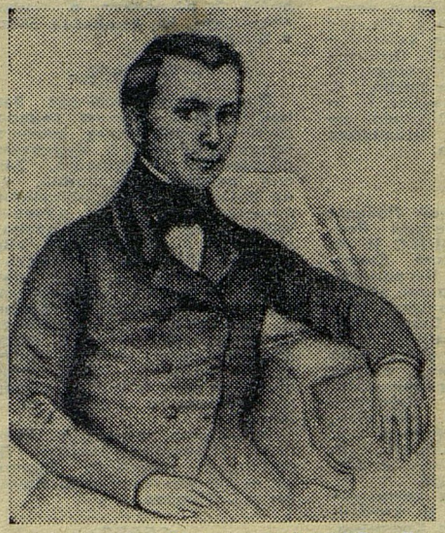
Крепостное право — позор царской России — наложило свою зловещую печать не на один блистательный талант. Из пятидесяти пяти лет жизни почти половину Гурилев был рабом. Вот что приглушило мажорные тона почти всех его романсов и песен, выдвинув на первый план грустные, минорные темы. Мелодия Гурилева печальна, как и судьба его.

В восьмидесяти верстах от Москвы, в имении графа Владимира Орлова, носившем звучное название «Отрада», постоянно устраивались музыкальные вечера. Граф, прославленный меломан, создал у себя в имении оркестр из крепостных музыкантов, которым руководил капельмейстер Лев Степанович Гурылев, отец будущего композитора. Вот как описывает эту барскую затею внук графа:

«Из крепостного сословия брались мальчики, которые отдаваемы были в обучение различным искусствам и ремеслам; кроме того, что таким образом имелись свои портные, башмачники, шорники, конюхи, коновалы, садовники... кирпичники и пр., было весьма приятно иметь артистов, содействующих удовольствию жизни, и полезные ремесла бывали нередко соединяемы с приятными искусствами в одних и тех же лицах; иной, работающий в столярной утром, являлся вечером актером в театре. Несмотря на это совмещение должностей, оркестр был замечательно хорош, и в том числе находились несколько солистов, которые по смерти графа, когда их услуги уже не требовались, поместились с выгодою на московских театрах. Граф слушал из соседней гостиной и по окончании пиесы делал замечания капельмейстеру Гурылеву, отцу известного композитора».

Да, граф Орлов слыл большим знатоком и ценителем музыки. Ведь недаром в его имении в качестве домашнего учителя жил самый модный в те времена пианист и композитор Джон Филд, ирландец по происхождению. Присутствие в доме этого замечательного музыканта и повлияло на судьбу Саши Гурилева, который уже выучился под руководством отца игре на скрипке и даже услаждал слух барина, участвуя в его оркестре. Видимо, граф гордился талантом юноши, хвастался им перед светскими знакомыми и даже отпускал молодого музыканта поиграть в квартете князя Голицына, также известного меломана. Фильд заразил юношу любовью к фортепиано, которому композитор Гурилев остался верен всю свою жизнь.

Граф ценил своих музыкантов, заботился о них, но клетка остается клеткой, какие бы ни были у нее золоченые прутья. Ведь птицы, даже родившиеся в неволе, рвутся на простор. И в человеке неистребима любовь к свободе...



Александр Львович ГУРИЛЕВ. Дагерротип. Редкий снимок.

По-видимому, в один из музыкальных вечеров Орлов, растроганный и умиротворенный музыкой, решил оговорить в своем завещании вольную для кое-кого из крепостных артистов. Но только после своей смерти. Ведь этим музыкантам нет цены, они его гордость, предмет зависти почти всей московской знати. А потому — вольная после смерти, чтоб никому больше не достались.

В начале тридцатых годов прошлого столетия отец и сын Гурылевы-Гурилевы, освободившись наконец от крепостной зависимости, поселились в Москве и приписались к обществу московской Ремесленной управы. Александру Львовичу к этому времени уже было под тридцать. Тихий и печальный был он человек: разве забудешь то, что выстрадано, унижения и принуждения крепостного состояния, муки рабства!

Жизнь Гурилева с самого раннего детства была наполнена звуками. Будто о нем написал стихи поэт Огарев. Стихи, которые впоследствии композитор соединит с такой нежной, возвышенной мелодией:

Как дорожу я
прекрасным
мгновеньем!
Музыкой вдруг
наполняется слух,
Звуки несутся
с каким-то
стремленьем,
Звуки откуда-то льются
вокруг.
Сердце за ними
стремится тревожно,
Хочет за ними куда-то
лететь...
В эти минуты
растаять бы можно,
В эти минуты легко
умереть.

Музыка была для Гурилева всем — и радостью, и горем, и надеждой, и разочарованием. Скромный, даже скрытный в жизни, он изливал душу в звуках, перекладывая на музыку любимые стихи.

Как досадно, что глухая стена крепостничества отгородила от нас жизнь этого одаренного человека, что годы неволи наложили свой отпечаток на его дальнейшую, уже свободную жизнь. Не сохранилось ни одного его письма. Нет никаких мемуаров о Гурилеве. И только он сам увековечил себя в нотных листах.

Александр Львович был беден. Нужда заставляла его давать уроки музыки детям состоятельных мещан, ему приходилось заниматься музыкальной корректурой. Он сам перебелял свои романсы и песни, тонко зачинивая гусиное перо и опуская его в черно-бурые чернила. Сверху — фамилия и инициалы автора стихотворного текста, а под ними — строчка: «Музыка А. Гурилева». Четкий, нервный почерк. Поражает удивительная грамотность — и музыкальная, и литературная. А в конце неизменное: «Право издания передаю господину Бернарду, Москва, такого-то месяца, дня и года...». И цензорское: «Печатать позволяется».

Любимые авторы Гурилева — Кольцов, Лермонтов, Никитин, Аксаков. Но и у них композитор выбирает то, что находит отклик в его сердце. Чаще всего стихи, в которых говорится о несчастных влюбленных, разлученных злой судьбой.

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую;
Был у ней в глазах
небесный свет,
На лице горел любви огонь...
Не забыть мне,
как в последний раз
Я сказал ей: «Прости, милая!
Так, знать, бог велел —
расстанемся,
Но когда-нибудь
увидимся...»

Кольцовская «Разлука», где поэт вспоминает свою любовь к крепостной девушке, забрезжившую «на заре туманной юности», — самый лиричный, самый трагический романс Гурилева. Он перекликается с песней на стихи Дьякова «Воспоминание»:

Ах! Можно ль по ней
не грустить?
Хоть слезы все выплакал,
А плакать все хочется,
И хочется больше любить...

Гурилев положил эти строки на музыку, и получилось изумительное по красоте и грустной напевности произведение. Эту песню он посвятил таинственной женщине, имя и фамилию которой не пожелал раскрыть. «Е. П. М... ой» — помечено на его нотном листе. И больше ни буквы. Имя, по-видимому, дорогое для композитора, затерялось за чертой нашего столетия... Кто была Е. П.? Быть может, ученица Александра Львовича или знатная дама, встреченная на каком-нибудь вечере? Или все та же крепостная девушка, любовь его загубленной в неволе юности?

Гурилев гонит прочь воспоминания, связанные с рабством, но они обступают его со всех сторон, роятся в голове, терзают сердце. Он спешит отделаться от них и как будто в лихорадке исписывает несколько листов нотной бумаги, в спешке не обращая внимания на кляксы и помарки. Так рождается песня на стихи поэта Жаркова «Еще на заре моих дней». И здесь — несбывшиеся надежды, горькая судьба отвергнутого человека.

Нет, он не может обнародовать эти грустные воспоминания. Они принадлежат ему, и никому больше... Но, разорвав надвое исписанные листы, Гурилев спохватывается. Композитор, создавший настоящее произведение, берет верх над человеком, опасающимся раскрыть свою душу.

Шли годы. Таяли одна за другой надежды, подкрадывалась старость.

И скучно и грустно
и некому руку подать
В минуту душевной
невзгоды...
Желанья!.. что пользы
напрасно и вечно желать?..
А годы проходят —
все лучшие годы!

Эти бессмертные лермонтовские строки Гурилев переложит на музыку, создав скорбную, сродни стихам великого поэта, элегию «Оправдание». В ней уже слышатся отголоски будущих романсов Даргомыжского, Чайковского.

Вся жизнь его прошла в Москве, промелькнула незаметно. Он прятался от людей, садился за фортепиано и изливал душу в звуках инструмента, которым мастерски владел. Кроме романсов и песен, где так тонко разработана фортепианная партия, Гурилев создавал польки, вальсы, полонезы, вариации на темы известных в те времена опер. Он обработал для фортепиано множество русских народных песен, тем самым открыв им тропинку в светские салоны, в которых безраздельно царил этот новый инструмент.

Умер Гурилев в 1858-м, за три года до отмены крепостного права, так и не узнав, что рухнуло в конце концов мрачное здание крепостной тюрьмы, где томилась почти вся крестьянская Россия. Его романсы и песни надолго пережили их творца. Овеянные грустью и печалью, сквозь которые нет-нет и пробьется искра лукавого веселья и задора, они живут как народные песни России. И есть у них на это полное право — ведь их создатель вместе с народом испил до дна горькую чашу страданий...

Наталья КАЛИНИНА